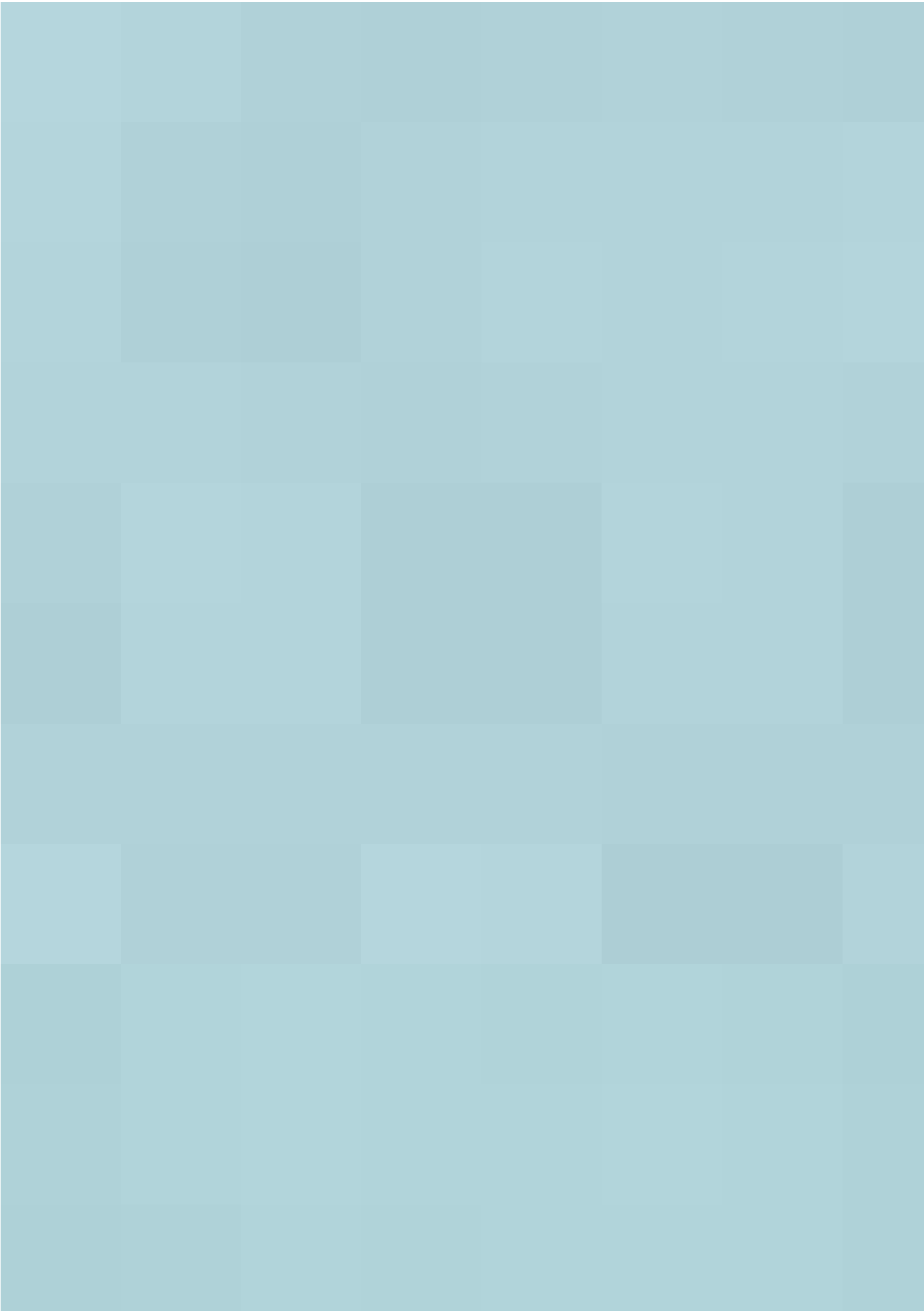

Игорь Минаков

Как он был от нас далёк

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 © Александер

Минаков И. В.

Как он был от нас далёк / И. В. Минаков — «Эксмо», 2016

«...Сосны вокруг, серое зеркало озера, и тишина. Таня погладила бревенчатую стену и пошла узкой тропинкой, змеившейся в обход озера, дальше, за сосны. Тропинка вывела на поляну, покрытую высокой, чуть ли не в колено травой, а над поляной... Несомненно, это было чудо техники, да какой – секретной! Ни о чем подобном Таня слыхом не слыхивала. Круглый, вернее, приплюснутый снизу, несомненно – летательный, аппарат висел метрах в пяти над землей, медленно проворачиваясь вокруг оси. Таня сделала несколько шагов, не в силах сдержать любопытства, уловила исходящее от аппарата ощущение прохлады и даже... спокойствия. Сунулась под днище – чтобы, если что, выскочить обратно, но растворилась лепестковая диафрагма, и неведомая сила втянула девушку внутрь...»

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 © Александер

© Минаков И. В., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

1	5
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ярослав Веров, Игорь Минаков

Как он был от нас далёк

(повесть)

1

Таню фашисты застали врасплох. Остолбенев, она стояла посреди улицы, когда черные мотоциклы окружили ее и ражие парни с запыленными лицами, скаля зубы, заорали: «Фрой-ляйн! Гут!.. Рюский девушка. Карош!» Баба Маша, как заполошная, выскочила из калитки, но подойти не решилась. Не стало бы хуже. Может, чужие солдаты полупают зенками на красавицу Таню да и покатают дальше? Но немцы никуда не спешили. Село удалось занять без боя, и можно было позволить минуту передышки.

Войска вермахта наступали. Наступали стремительно, опрокидывая, оттесняя разрозненные, слабо связанные между собой красноармейские части. В знойном июльском небе, как пришитые, висели немецкие самолеты, высевая в русскую землю смертоносные семена бомб и щедро поливая ее пулеметными очередями. Через поля рано созревшей пшеницы беспрестанно ползли пятнистые машины, почти не встречаясь с огнем артиллерии. Под прикрытием танков шагала в полный рост пехота. Катили по проселкам мотоциклетные роты, первыми врываясь в деревни и села. Неудивительно, что военная удача кружила головы. Солдатам хотелось как-то отметить ее, но командование не поощряло пьянства, а вот покуражиться с первой встречной русской, да еще молоденькой, да еще хорошенькой...

Таня все прочитала в серых веселых глазах «истинных арийцев» и готова была впиться ногтями в эти самые глаза первому, кто сунется. Первым решился молодой белобрысый парень. Он медленно, с ленцой, слез с мотоцикла, передал автомат напарнику и двинулся, загребая сапогами горячую пыль, к девушке. Другие одобрительно залопотали, подбадривая его, судя по тону, шутливыми возгласами. Солдат вытащил из петлицы увядшую ромашку, с дурашливым поклоном протянул ее Тане. Коротким хлестким ударом она выбила из фашистских пальцев издевательское подношение.

Сослуживцы неудачливого ухажера обидно захохотали. Старший, похоже, фельдфебель, отпустил в его адрес длинное ироничное замечание. Глаза у белобрысого сделались вовсе не веселые – сузились, как у кота, оледенели, он отступил на шаг, пробормотал сквозь зубы неразборчивое, замахнулся. В голове у Тани жарко сверкнуло, потом еще раз. Она рухнула, как подкошенная. Истошно завопила баба Маша. Чужие, ненасытные руки рванули на груди Тани сарафан...

И вдруг сверху – гул двигателей. С трудом разлепив веки разбитого глаза, Таня увидела, как заходят против солнца, сверкая винтами, два «ишачка».

«Наши! Родные!..»

Затрещали пулеметы. Зло заорал фельдфебель. Взбили горячую пыль солдатские сапоги. «Ухажер» замешкался. Качнулся вперед, словно хотел заслонить Таню от выстрелов с неба. И вдруг нелепо взмахнул руками, повалился ничком. Таня едва успела откатиться в сторону. Сумела подняться, но что-то горячо и остро ударило ее в живот, заставив взвыть, скорчиться в три погибели и провалиться в темноту беспомощности...

Округлая тень накрыла улицу. Настолько плотная, что полуденная жара сменилась внезапной прохладой. Заплаканная баба Маша оторвалась от внучки, замертво лежащей рядом с убитым немцем, с изумлением глянула сперва на свои окровавленные руки, лишь потом задрала голову – и попятилась. Овальное днище неизвестного летательного аппарата, что

висел в нескольких метрах от земли, источало прохладу и мягкую, но необоримую силу. В днище стремительно разошлась многолепестковая диафрагма, невидимый вихрь подхватил девушку и втянул внутрь.

Баба Маша, ни жива ни мертва, отползла к забора, беззвучно шепча молитву. Она бы с радостью и перекрестилась, но руки было не поднять. По представлениям внучатой племянницы, которая как раз закончила радиотехникум, баба Маша была женщиной темной, не избавившейся от религиозного дурмана, поэтому искренне и горячо благодарила Господа, который послал ангела спасти неверующую комсомолку. И пусть ангел выглядел не так, как изображают вестников Господних на иконах, но сияние, от него исходившее, не оставляло в душе пожилой крестьянки ни малейшего сомнения, кто и куда забрал ее Танюшу...

Прохладный утренний ветер ворвался в приоткрытую дверь, всколыхнул занавеску, взьерошил пшеничные пряди волос спящей девушки и выскочил наружу. Почувствовав его дыхание на щеке, Таня проснулась. Повернулась на другой бок, сонным взглядом обвела комнату. Четыре стены, обклеенные желтовато-пестрыми и уже слегка выцветшими обоями. Большое окно с видом на озеро. Круглый стол, накрытый малиновой, с кистями скатертью, простая стеклянная ваза с подувядшими маками. Красиво... Придвинутые к столу стулья с гнутыми спинками. Массивный шкаф с резными дверцами... Вроде ничего особенного. Почти такую же комнату Таня снимала в Луге, где проходила летнюю практику с начала войны. И все-таки что-то неуловимо странное было в этой самой обычной с виду комнате. Вдруг Таню осенило. Уж очень гладкие стены, а рама идеально чистого окна ровная, будто и не из дерева. Таких просто не бывает. Добротный, крепкий дом бабы Маши, например, построили сравнительно недавно, во времена НЭПа, а он уже как-то весь осел, оконные рамы покрылись трещинами, дверные коробки перекосились, под штукатуркой все время что-то шуршало, словно там сновали мыши. А может быть – и сновали. Мышей Таня боялась. А здесь... Не похоже, чтобы они здесь водились. Таня свесилась с кровати – самой обычной с виду кровати с панцирной сеткой и никелированными шарами на спинках, – провела пальцем по полу, поднесла к глазам: ни пылинки.

Сон стремительно улетучивался, и на его место приходило недоумение. Таня откинула одеяло. Ахнула. Где она? Почему совсем голая? Даже любимой ночной сорочки с вышитым воротом нет. Провела ладонью по животу. Встала, придирчиво огляделась: в дверце шкапа имелось мутноватое зеркало. Что-что, а цену своей красоте Таня знала. Недаром – отличница ГТО и в ОСАВИАХИМе на хорошем счету. Еще раз погладила себя по животу, словно что-то беспокоило. Так и есть! Вмятины. Одна, вторая... пятая. Откуда?

Воспоминание, острое как бритва, швырнуло ее обратно на койку, заставило закутаться в тонкое одеяло. Серые наглые глаза... жадные пальцы... омерзительный гогот... солнечный блеск на винтах родных «ястребков»... выстрелы и... боль, тягучая, вездесущая, черной воронкой затягивающая в глубь себя боль. Так. Спокойно, комсомолка. Перевести дух. Ты сейчас целая и здоровая. А там посмотрим, куда это тебя занесло...

Перевести дух не вышло. Новый сюрприз возник в распахнувшихся дверях комнаты. Женщина. Такой красавицы Таня не видела даже в кино. Стройная, светловолосая, сероглазая, с длинными ресницами и яркими губами. Женщина приветливо улыбнулась и произнесла глубоким грудным голосом:

– Доброе утро!

– Здравствуй, – пролепетала Таня, таращась на ее белое, до пола, платье, оттененное ниткой черного жемчуга вокруг длинной шеи. Неудивительно, что на полу ни пылинки. В таком платье по грязи не ходят.

Таня невольно подоткнула плотнее одеяло на коленях.

– Я – Асель, – сообщила красавица.

– Татьяна.

– Татьяна, вот здесь... – Женщина отворила дверцу шкапа. – Вы можете подобрать себе гардероб...

Внутри висело столько одежды, сколько Таня, наверное, за всю свою жизнь не видела. Даже в универмаге на Невском. Продолжая кутаться в одеяло, она робко протянула руку, взяла распялку с коротким синим платьем в горошек. Кое-как приложила к себе, поглядев-шись в зеркало, что было и с внутренней стороны дверцы. Платье ей определенно шло, хотя и было бессовестно коротким. Таня повесила его на место, взяла другое, подлиннее. Оно было черным, с муаровым отливом, шелковым на ощупь. Нет, пожалуй, следует взять что-нибудь поскромнее. Таня и сама не заметила, как увлеклась. Все-таки ей никогда в жизни не приходилось сталкиваться с таким богатством.

– Простите, Таня!

Таню пробрало ознобом. Она спешно повесила платье в шкаф, стремительно обернулась. Как-то быстро забылось, что в комнате она не одна.

– Завтрак пока не готов, – кратко сообщила Асель. – Но вы, наверное, захотите принять ванну?

– Я потом... – пробормотала Таня. – После...

– Хорошо, – отозвалась Асель тоном, каким когда-то барыни выговаривали своим горничным: «Как вам будет угодно, милочка».

«Ах ты, стерва!» – возмутилась Таня.

И сама почувствовала – тут что-то не то. Такая красавица – и вдруг в услужении, словно какая-нибудь Груня из деревни. И у кого? Неужто она, Таня, буржуазия какая, из бывших? Странно это...

– Нет, я, пожалуй, сначала вымоюсь, – передумала Таня. – Где здесь у вас умывальник?

Вместо ответа Асель протянула руку – Таня слегка отшатнулась – и нажала на боковину шкапа. Тяжеленный с виду предмет мебелировки легко, как пушинка, сдвинулся в сторону, открыв проход в ослепительно белое помещение, в котором Таня не сразу распознала ванную комнату.

Наверное, через полчаса, не раньше, Таня, ведомая Аселью через гулкий длинный коридор, вышла на лужайку перед домом, благоухающая, причесанная и приодетая. Таинственная прислужница осталась в доме.

Сосны вокруг, серое зеркало озера, и тишина. Таня погладила бревенчатую стену и пошла узкой тропинкой, змеившейся в обход озера, дальше, за сосны. Тропинка вывела на поляну, покрытую высокой, чуть ли не в колено травой, а над поляной...

Несомненно, это было чудо техники, да какой – секретной! Ни о чем подобном Таня слыхом не слыхивала. Круглый, вернее, приплюснутый снизу, несомненно – летательный, аппарат висел метрах в пяти над землей, медленно проворачиваясь вокруг оси. Таня сделала несколько шагов, не в силах сдержать любопытства, уловила исходящее от аппарата ощущение прохлады и даже... спокойствия. Сунулась под днище – чтобы, если что, выскочить обратно, но растворилась лепестковая диафрагма, и неведомая сила втянула девушку внутрь. Таня и взвизгнуть не успела.

Оказавшись в недрах загадочного аппарата, она снова удостоверилась, что если это и чудо, то чудо техники. Под куполом, мягко мерцающим изнутри, на небольшом возвышении восседал темноволосый и кареглазый незнакомец, сосредоточенно глядя на светящиеся линии и знаки, что висели перед ним прямо в воздухе. Время от времени незнакомец легкими, скользящими движениями прикасался к этим призрачным символам, от чего они либо меняли цвет, либо быстро перемещались с места на место. Все это происходило в полной тишине и производило впечатление сна наяву. Одет незнакомец тоже был как-то странно.

Его словно облили жидкой резиной, и она застыла на нем, облепив от шеи до ступней ровным слоем, и лишь на локтях и коленях остались неприятного вида бугры.

– Здравствуйте! – произнесла Таня, присаживаясь на округлый выступ, что тянулся вдоль овального корпуса аппарата. Ноги ее не держали.

Незнакомец посмотрел на нее. Улыбнулся.

– Привет! – сказал он. – Меня зовут Вадим.

– Таня, – откликнулась девушка и добавила: – Вы – летчик?

– В некотором роде, – отозвался он. – Испытатель...

– Я так и знала, что наши конструкторы сделают что-нибудь такое... – убежденно сказала Таня.

– Что именно? – осведомился Вадим.

– Что поможет разбить проклятых фашистов!

– А-а... – без всякого энтузиазма произнес он. – Сделают, конечно...

Таню покорило его равнодушный тон, но она продолжала с прежним воодушевлением:

– Ведь сделали уже! Ведь такой самолет... ведь он же в сто раз лучше всех их проклятых «Мессершмиттов» и «Юнкерсов»!..

– Простите, Таня, но это не самолет... Этот... аппарат не предназначен для боевых действий...

– Ну, все равно... ну, правильно, ведь не только же бомбить и стрелять нужно... Раненых эвакуировать. Разведчиков в немецкий тыл забрасывать...

– Таня, – сказал Вадим с мягким нажимом, – я потом расскажу вам, для чего предназначен этот аппарат, а пока... помолчите, пожалуйста...

– Извините, – пробормотала она.

Таня, сама не зная почему, обиделась. Нет, она понимала, что своей болтовней мешает странному испытателю, но... он мог бы быть приветливее. Вадим не обращал внимания на насупившуюся пассажирку. Руки его так и летали над призрачными приборами. Прислушавшись к своим ощущениям, Таня вдруг поняла, что не чувствует ни малейшего движения. Стало неудобно. Захотелось выглянуть наружу, осмотреться. В диковинном аппарате не было окон, словно это подводная лодка, а не самолет... Правда, Вадим же так и сказал, что это не самолет... Окончательно запутавшись, Таня притихла, поджала ноги, охватила их, прижавшись щекой к коленям. В таком положении она и застыла, пока Вадим не встряхнул ее за плечо.

– А! Что! – вскинулась Таня.

– Слезай. Приехали.

Девушка поднялась. Вадим взял ее за руку и прыгнул в отверстие развернувшейся диафрагмы. На этот раз Таня взвизгнула и даже попыталась выдернуть руку, но испытатель держал ее крепко. Мягкая сила, совсем недавно втянувшая девушку в аппарат, теперь опустила их с Вадимом на землю. Таня огляделась. Она ожидала увидеть поле аэродрома, самолеты, ангары и людей – техников и военных, которые наверняка должны встречать Вадима, но увидела поляну, окруженную соснами, серебристую поверхность небольшого озера и двухэтажный деревянный дом на том берегу. Не сразу, но дошло – это же тот самый дом, где она проснулась, то же место...

– Вот черт! – с досадой пробормотал Вадим. – Немного промахнулся...

– Промахнулись? – переспросила Таня.

– А, не важно... Пройдемся.

– Где мы? – поинтересовалась Таня.

– У меня дома, – ответил он.

– А в каком... районе?

Вадим посмотрел на нее изучающе и помедлил, прежде чем ответить:

– Ты хочешь спросить, далеко ли мы от фронта?.. Не бойся. Далеко.

Тане опять не понравился его тон. И не потому, что спаситель вдруг перешел на «ты». Как еще пилоту-испытателю, может быть, даже – инженеру, с ней, девятнадцатилетней девочкой, разговаривать? Нет, ее корбило равнодушие, с каким Вадим произносил слово «фронт», словно его лично не касалось то, что стало огромным горем и тяжким испытанием для всего советского народа.

– Я и не боюсь, – сказала она. – Я хотела на фронт попроситься, радисткой, но не успела уехать в Ленинград. Немцы перерезали все дороги... Спасибо, что выручили, товарищ Вадим. Буду вам безмерно благодарна, если поможете добраться до Ленинграда...

– Это очень непросто сделать, Таня, – отозвался Вадим.

– Что, у вас в районе не найдется полуторки, чтобы подвезти меня до ближайшей станции? Или хотя бы – подводы! – удивилась Таня.

– Ты не поверишь – не найдется, – сказал он. – Ни полуторки, ни подводы...

– Ну, ничего страшного, – отмахнулась она. – Если надо, я пешком дойду... Вы только скажите, куда идти.

– Давай, прежде всего, дойдем до дома... Признаться, я проголодался. Да и переодеться нужно... Тебе, кстати, тоже не помешает.

Это было уже откровенным хамством. Чем ему ее платье не годится? Но Вадим не обратил внимания на ее надутые губы. Он смотрел на аппарат, все еще висящий в небе. Таня невольно тоже посмотрела вверх и только сейчас обратила внимание на то, что день уже клонится к вечеру. Солнце скрылось за щетиной далекого леса. Небо потускнело. С озера потянуло прохладой. Тане стало зябко в легкомысленном платьице «в горошек», и ей сразу захотелось оказаться в доме, окна которого ловили последние малиновые отблески заката. Вадим вздохнул и решительно направился к тропинке, что петляла между сосен и вела вокруг озера. Таня засеменила следом.

– Послушай, Таня, – сказал Вадим, не оборачиваясь. – Ты девушка умная и храбрая, поэтому, надеюсь, не слишком удивишься тому, что увидишь в моем доме.

– А что я там увижу? – спросила Таня, которой снова стало не по себе.

Собственно, что она знает об этом Вадиме? Что от него ни на бричке, ни на полуторке до ближайшей станции не добраться? Что домработница у него вроде как из «бывших»? Да аппарат этот. Она же на две минуты прикорнула – а выходит, весь день продрыхла. «Классового врага – чую лучше пирога!» – любила загнать Валька, подруга из общаги. Так то – Валька. А ей еще разбираться, как она вообще в эту переделку угодила.

– В моем доме много различных... изобретений, что ли, – пояснил Вадим. – Они помогают мне в быту и в работе... Надеюсь, тебе они тоже понравятся.

– Понравятся, – откликнулась Таня. – Я люблю технику.

– Вот и славно...

Весь остальной путь они молчали.

Чудеса начались, едва хозяин дома вступил на крыльцо. Осветились окна, распахнулись входные двери. Незнакомая Тане, но приятная мелодия зазвучала тоже сама собой. В просторной прихожей стены, оказывается, сплошь украшены картинами, а она с утра-то и не заметила. Их встречала Асель. Женщина, как и утром, приветливо улыбнулась и произнесла тем же грудным голосом:

– Добро пожаловать!

– Привет! – буркнул Вадим, не обращая на столь ослепительную красоту внимания. – Полагаю, вы уже знакомы с Таней. Помогите ей переодеться к ужину... Да и сам ужин подавай...

– Слушаюсь, – смиренно отозвалась красавица и присела в старомодном реверансе.

И удалилась.

– Это ваша жена? – шепотом спросила Таня.

Вадим вытаращил на нее глаза, потом рассмеялся.

– Скажешь тоже, – проговорил он. – Это моя... гм... домработница...

– Такая-то красавица!

– Кто красавица? – изумился Вадим. – Асель?! Старая кокетка, излишне озабоченная своей внешностью...

– Ну, знаете ли! – возмутилась Таня. – Ей от силы двадцать пять... И потом, о женщине так не говорят!

– Асель не женщина, – сказал. – Она гинедроид семнадцатого поколения...

– Кто-кто?

– Человекоподобная машина.

– Ой!

– Если быть совсем точным – автомат субэлектронный, сокращенно – АСЭЛ.

– Но она... Она же как живая...

– Это только внешние проявления, – сказал Вадим. – На самом деле, отличий между нами и ней больше, чем между нами и, скажем... трактором.

– Не понимаю... Это что, как у Чапека? Работарь?

– Работарь... – Вадим будто покатал слово на вкус. – Это надо бы у отца уточнить. Возможно, некоторые аналогии... Слушай, давай так условимся. Сначала ужин, а потом расспросы.

– Да, конечно... Извините.

– Не извиняйся... И давай перейдем на «ты» оба.

– Хорошо.

Вадим заглянул в глаза оцепеневшей девушки и сказал назидательным тоном:

– Неприязнь к субэлектронным автоматам сродни расовой и национальной ненависти.

Ты же... как там это... ты же комсомолка, Таня!

– Я и не думала... – пробормотала она.

Впрочем, заминку в слове «комсомолка» – заметила.

Асель вернулась, протянула руку – Таня слегка отшатнулась, но гинедроид всего лишь приглашала следовать за ней в комнату.

Наверное, через полчаса, не раньше, Таня вошла в столовую, с новой прической и переодетая в черное вечернее платье. Следом шла Асель, гордая своим творением. С порога Таня обратила внимание, что столовая в отличие от ее комнаты притворяется обыкновенной гораздо меньше. Здесь имелось много самых удивительных предметов, смысл и назначение которых на глазок определить невозможно. Вадим сидел за столом странной, извилистой формы, перед ним стояла овальная тарелка, похожая на блюдо для рыбы, наполненная желтоватыми палочками. Вадим, уткнувшись в пухлую, набитую закладками книгу, брал эти палочки и со смачным хрустом грыз. Заслышав шаги, он оторвался от чтения.

– Наконец-то, – не слишком приветливо сказал Вадим. – Я тут хлебешками брюхо набиваю, а жаркое тем временем стынет.

Таня уселась на свободный стул – скорее кресло – и робко оглядела сервировку. Похоже, что к ужину Вадим ждал не меньше дюжины гостей – столько здесь было всего. Асель замелькала белыми, холеными руками барыни, подвигая хозяину и гостье тарелки, приборы, накладывая яства, которые язык не поворачивался назвать едой. Таня всего лишь раз была в ресторане, однажды ее пригласил в «Асторию» военный, но и там не было такой роскоши сервировки и разнообразия блюд. Все оказалось невероятно вкусным, но при этом не скапливалось усыпляющей тяжестью в желудке.

Вадим поглядывал на гостью исподтишка, чему-то улыбаясь. Потом собственноручно взял графин с темно-вишневой жидкостью и наполнил два бокала.

– Это вино? – осведомилась Таня и на всякий случай предупредила: – Я не пью!

– Я – тоже, – отозвался Вадим, – но после пережитого не грех выпить... Не бойся, антарктическое самое легкое вино на свете.

– Какое? – переспросила Таня. – Арктическое?! Разве в Арктике выращивают виноград?

– В Антарктике, – поправил ее хозяин дома. – На Земле Королевы Мод... Впрочем, в Арктике – тоже. Но антарктическое мне нравится больше.

Думая, что пилот пошутил, Таня все же пригубила вино Королевы Мод. Оно было слегка терпким и холодило нёбо, как будто в нем и впрямь плавала антарктическая льдинка. Прислушиваясь к ощущениям, Таня поняла, что вино ей нравится, и с готовностью отпила половину бокала. Повеселевшими глазами обвела столовую. Картины с незнакомыми, но несомненно фантастическими сюжетами, громадную вазу из черного, пронизанного золотыми искрами материала, что стояла на полу, сухое, видимо, экзотическое растение, которое выглядывало из этой вазы, окно во всю стену – все здесь было необыкновенным, не похожим на то, что Тане приходилось видеть раньше.

– Откуда у тебя такой дом? – спросила она уже слегка заплетающимся языком.

– От предков, – в обычной своей легкомысленной манере отозвался Вадим. – Его еще мой прадед построил. Он был чудак, любил старину. В память о нем ни мой дед, ни отец, ни я ничего здесь не меняли.

– Он был помещиком? – насторожилась Таня.

– Помещиком? – переспросил Вадим.

– Ну-у... дворянином...

– А-а, вот ты о чем... Нет, мой прадед был архитектором. Знаменитым. Например, он построил Дворец Аэлиты...

Таня отхлебнула еще и заявила:

– А я читала...

– Умница, – похвалил хозяин дома. – А фильм видела?

– Нет... Его давно уже не показывают... Я видела кадры в старом журнале...

– Я тебе покажу. И тот, старый, и новый. Его как раз сняли к открытию Дворца... Правда, он, конечно, тоже уже старый, но...

– Старый, новый... – пробормотала Таня, перед глазами которой все уже плыло. – Аэлита, дворец... Кто построил... когда... где... Ничего не понимаю...

– На Марсе, разумеется, – откликнулся Вадим. – В городе Квардор...

– Ты все смеешься... – невнятно произнесла она. – Как тебе не стыдно... Напоил слабую девушку...

– Прости, мне и в голову не приходило, что тебя может так развезти от одного бокала, – сказал хозяин дома. – Тем не менее я и не думал смеяться над тобой. На Марсе уже давно живут люди. Там есть города, реки, моря, леса, правда, они красные, а не зеленые, как у нас. Ведь в марсианской почве слишком много железа. Марсиане так и говорят – красень, вместо зелень...

– Знаю, знаю, – кивала неудержимо клонящейся к столешнице головой гостья. – Соацера, цирки, магацитлы... где ты, где ты, сын неба... Я читала... Только у тебя все странно, и аппарат твой, и домработница... Руки у нее гладкие, нежные... какая же она домработница... Ты обманщик, это твоя жена... белоручка... барыня...

Танина голова почти коснулась стола. Вадим вскочил, бережно подхватил совсем раскисшую девушку на руки и вынес из столовой. В спальне он уложил Таню на постель и ретировался. Следом появилась «белоручка» Асель. Стремительными и точными движе-

ями идеального автомата она раздела гостью, взбила ей подушку и подоткнула одеяло. Таня ничего не почувствовала, она спала блаженным сном младенца и видела красные леса на берегу голубого озера, причудливую лодку и девушку, что склонилась над книгой, повествующей о небывалых временах и странах.

2

Сам Вадим не производил впечатления аккуратного парня. Диковинную резиновую одежду он оставил на перилах открытой веранды. Она и сейчас висела там – Таня видела через окно. Была бы эта Асель настоящей хозяйкой, ни за что бы не оставила такую вещь на улице. А вдруг сопрут! Чужачество держать в доме эту куклу, вместо того чтобы нанять настоящую домработницу. Впрочем, чему тут удивляться. Вадим правнук архитектора, да и сам научный работник, а они все чудаки. И все-таки... Как она сюда попала? Наверняка ее спас Вадим на своем чудо-аппарате. Таня содрогнулась, вспомнив ухмыляющиеся рожи немецких солдат.

А она... Вела себя как дура, задавала глупые вопросы, а потом и вовсе напилась, как свинья. Тане стало жутко стыдно. Захотелось немедленно отыскать Вадима и извиниться. Однако благоразумие взяло верх, и сначала Таня отправилась в фантастическую ванную, где вода сама собой лилась из крана, а вместо обыкновенного мыла были какие-то чудные флакончики, которые появлялись из шкафчика, стоило прикоснуться к его дверцам, извергая благоухающие густые жидкости, из коих получались замечательные мыльные пузыри. Таня сама не заметила, как увлеклась процессом мытья, а потом еще долго вертелась под струями горячего воздуха и тщательно расчесывала волосы. Покинув ванную, Таня придиричиво выбрала себе платье, решив, что к этому утру красный в белую полосу сарафан очень подойдет. А вместо пыльных сандалий стоит надеть пару туфель, что обнаружили в нижнем, выдвижном ящике шкапа. Таня выбрала красные, в тон платью. Оглядевшись в зеркале, Таня осталась собою довольна.

Во всеоружии она вышла из комнаты и растерялась. Вчера она и трезвой-то была в полузабытьи и потому толком не запомнила расположения комнат, а после «веселого ужина» и подавно. Таня торчала посреди прихожей, раздумывая, не позвать ли Асель на выручку, когда вдруг скрипнула дверь и появился незнакомец – рослый, широкоплечий, чем-то похожий на Вадима.

– Доброе утро! – сказал он звучным, тоже вполне «вадимовским» голосом.

– Доброе...

– Видимо, вы и есть Таня?

– Да... А вы?

– Сергей Владимирович, – ответил незнакомец, внимательно и строго глядя на нее карими, чуть выпуклыми глазами. – Вот, значит, какая у нас гостья.

– А где Вадим? – поинтересовалась Таня, смущенно потупясь.

– Мой непутевый сын на рассвете умчался в свой Техногон, ставить капсулу на тестирование, а перед этим вызвал меня.

– Вызвал вас?

– Пойдемте, Таня, завтракать. Асель уже накрыла... Я вам все расскажу.

Они вошли в столовую. Таня поздоровалась с Асель, которая все так же была ослепительна, словно собралась на бал. Сергей Владимирович сел в кресло, которое вчера занимал его сын, и налил себе и Тане кофе. Завтрак, в отличие от ужина, был более чем скромным. Таня почти ничего не съела. От вчерашнего опьянения не осталось и следа, голова была легкой и ясной. Сергей Владимирович тоже почти ничего не ел, поглядывал на Таню, которая смущалась все сильнее. Наконец, вздохнув, он спросил:

– Как вы думаете, Таня, где вы сейчас находитесь?

Ее словно ледяной водой из ушата окатило. Чашка, выпавшая из ослабевших пальцев, брякнула доньшком о блюдец. Неужто все-таки ловушка? Тщательно, виртуозно даже, подготовленная провокация фашистов, которые решили завербовать ее, комсомолку Таню Кли-

мову, сделать ее предательницей! Вскочить, огреть этого лощеного типа, явного белоэмигранта на службе у немцев, горячим кофейником и убежать. Пусть пристрелят, но смерть лучше предательства.

– Простите! – спохватился Сергей Владимирович. – Я вас встревожил... Я должен был учесть, откуда вы... Но я не хронопсихолог, я всего лишь... Впрочем, не важно... Ничего из того, о чем вы подумали... Я не немец, не фашист и не... предаватель... У нас давно нет войн и преступлений. Все это в прошлом.

– В прошлом?! – не поверила своим ушам Таня.

– Да, Таня. Вадим увез вас не за линию фронта, не в другой район, он увез вас в будущее.

– Вы шутите!

– Нет, Таня, – покачал головой Сергей Владимирович. – Вы и сами могли бы догадаться, что сейчас не тысяча девятьсот сорок первый год.

– А какой же?

– С момента вашего рождения миновало десять столетий.

Таня удивилась собственному спокойствию. Может быть, потому, что тысяча лет не укладывалась в ее воображении. Что было тысячу лет назад? Кажется, Киевская Русь... Крестовые походы... и что-то еще... А если – тысяча лет вперед?.. Таня любила читать фантастические книжки. Сборник фантастики англичанина Уэллса, выпущенный Гослитиздатом в тридцать шестом, она зачитала до дыр. «Машина времени» – страшный мир далекого будущего, где человечество разделилось на две расы, враждебные друг другу... И вот она, если верить этому спокойному, рассудительному человеку, в будущем, но ни Вадим, ни его отец не похожи на элов, а тем более – на морлоков. Значит, Уэллс ошибся, и в будущем все по-другому? Ну конечно же! Что может понимать этот буржуй, презирующий пролетариат и видящий спасение человечества в усовершенствовании капитализма? Будущее за коммунизмом – это ясно, как день. И сейчас, спустя тысячу лет, он, разумеется, наступил. Осталось выяснить...

– Скажите, Сергей Владимирович, – произнесла она. – Вы член партии?

– Партии? – изумился он. – А-а, понимаю... Нет, Таня, вынужден вас разочаровать. У нас нет политических партий, как, собственно, нет и политики.

– Я понимаю, – отозвалась она. – Коммунизм – это бесклассовое общество. У вас нет буржуазии, трудовой народ всего земного шара получил свободу, но... кто же его направляет и руководит?

Сергей Владимирович смотрел на нее, как на редкое животное. Ответить он явно затруднялся.

– Таня, – наконец сказал он. – В этом не так-то легко разобраться. Если вы говорите о правительстве, о парламенте, выборах – ничего этого нет уже сотни лет. В каждой отрасли решают специалисты, а что касается общих нужд – они учитываются и обрабатываются особыми машинами, на основании сделанных ими выводов опять же специалисты принимают решения.

– Машины? – переспросила Таня. – Такие, как Асель?

– А вы быстро улавливаете суть, – похвалил ее собеседник. – Принцип, на котором они работают, тот же, что положен в основу субэлектронных автоматов, но Сумматоры не антропоморфны.

– Мне трудно понять все это, – призналась Таня. – Я всего лишь учащаяся радиотехникума.

– Не прибедняйтесь, Таня, – с укоризной произнес Сергей Владимирович. – Если пожелаете, во всем разберетесь. Наш век теперь и ваш – тоже. Все, что у нас есть, отныне принадлежит и вам. Обживайтесь.

– То есть как это обживаетесь?! – опешила Таня. – Вы хотите сказать, что мне придется остаться здесь? В вашем веке?!

– Придется, Таня, – сказал он. – Строго говоря, Вадим не имел права вас спасать. Он испытатель хронокапсул, а не эвакуатор, но кто осудит его за то, что он пришел вам на помощь?

– Я ему очень благодарна, и все-таки пусть он вернет меня домой.

– Вы дома, Таня, – терпеливо сказал Сергей Владимирович. – И вы не первая, кто прибыл к нам из прошлого. Мы называем вас хронобеженцы...

– Я не беженка, – перебила его Таня.

– Это только термин... Не в слове дело. Наши эвакуаторы, или хроноспасатели, вытаскивают из прошлого сотни людей. Хотя, конечно, это ничтожно мало. Ведь в войнах, стихийных бедствиях и катастрофах погибали миллионы.

– Ну и правильно! Ну и спасайте! Женщин, детей, стариков... Я же молодая, здоровая деваха. Не смогу добраться до Ленинграда, примкну к окруженцам, вместе пробьемся или будем громить фашистских гадов у них в тылу.

– Это невозможно! – твердо сказал хозяин дома. – Мы не возвращаем спасенных.

– А я не просила меня спасти! – в запальчивости воскликнула Таня. – Думаете, я испугалась эту мразь?!

– Они бы вас убили, Таня...

– Ну и пусть!

Сергей Владимирович рассердился – впервые за весь этот бурный спор.

– Вы говорите глупости, сударыня! – сказал он холодно. – Вас не просто убили бы, а убили бы на глазах у Вадима. И если бы он не пришел вам на помощь, воспоминание об этом терзало бы его до конца дней.

Таня сообразила, что перегнула палку.

– Простите, Сергей Владимирович, – сказала она покаянно. – Я все понимаю, но и вы меня поймите. Там же у нас война! Там фашисты бомбят города, убивают женщин и детей, которых ваши эвакуаторы, может быть, не успевают спасти. Там остались мои родители, племянники в Ленинграде. Братья на фронте. И мне, комсомолке, стыдно прохлаждаться здесь, платица примерять, жрать от пуза, ласы точить.

– Хорошо, успокойтесь, – сдался отец Вадима. – В конце концов, это решать специалистам. В любом случае, если вам позволят вернуться... Хотя это и немыслимо, вы ничего не упустите в вашей войне.

– Ладно, – примирительно откликнулась Таня, хотя ее и передернуло от выражения «в вашей войне». – Я согласна ждать столько, сколько нужно. Верю, что здесь найдутся товарищи, которые меня поймут...

– Вот и славно, – с облегчением выдохнул Сергей Владимирович. – В любом случае не торопитесь... как это говорили в ваше время... бегать по инстанциям. Успеете. Осмотритесь. Что бы вы хотели увидеть в первую очередь?

– Дворец Аэлиты! – не задумываясь, выпалила она.

– Хороший выбор... А вы знаете, что он на Марсе?

– Знаю, – отозвалась Таня. – Мне Вадим рассказал... Дворец построен вашим дедом, как я понимаю...

– Да, Степаном Александровичем Карнауховым... – сказал отец Вадима. – Так, значит, вас не пугает путешествие на Марс?

– Вот еще! – фыркнула она. – Всю жизнь мечтала побывать на Марсе!

Асель оказалась изрядной болтушкой и поведала госте все, что знала о семье Карнауховых и их знакомых. Правда, добрую половину в ее рассказах Таня не поняла – все

время мелькали какие-то «стрибнеры», «абраколи», «контрольные вихри», – но зато ей стало известно, что супруга Сергея Владимировича работает на Плутоне, строит какую-то термодинамику. Сам он – историк архаичной литературы, занимается XX веком. Что их сын, Вадим, никак не может найти себе невесту, и родители его очень переживают по этому поводу.

Устав от болтовни искусственной светской львицы, Таня удра из дому, бродила по окрестным рощам, искупалась в озере. Ее удивило, что на много километров вокруг ни деревень, ни дорог – даже проселочных, ни столбов с проводами. Откуда в доме брались электричество и вода, Таня так и не сообразила. Спросила у Асель, но та вопроса не поняла, а беспокоить Сергея Владимировича гостя не решилась, он целый день работал.

Таня мельком увидела, проходя мимо его кабинета, как это происходит. Карнауков-старший сидел, чуть сгорбившись в кресле, на столе перед ним были разложены старинные книги и рукописи. На седых висках историка архаичной литературы Таня заметила устройства, отдаленно напоминающие радионаушники, а перед лицом висел в воздухе мерцающий, призрачный прямоугольник, чуть шире альбомного листа, и на нем возникали ровные строчки какого-то текста, словно невидимый сказочный джинн печатал их на невидимой же пишущей машинке.

После того что Таня услышала от Сергея Владимировича, она невольно искала в доме признаки его принадлежности к ХХХ веку. Кроме Уэллса, ее представления о будущем питались разве что четвертым сном Веры Павловны. Но дом Карнауховых мало походил на грандиозное здание из стекла и алюминия. Мебель в нем была обыкновенная, деревянная. В остекленных книжных шкапах самые обычные книги из бумаги, в кожаных и картонных переплетах. Правда, многие из них были изданы после 1941 года, который Таня покинула не по своей воле. Она боялась листать эти книги, словно в них можно было прочесть судьбу близких ей людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.